

«Удовлетворить ходатайства...»: от факта к мифу

История присвоения ГПБ в Ленинграде имени М. Е. Салтыкова-Щедрина остается недосказанной и изобилует различными странностями. Прежде всего, не очень понятно, почему это присвоение произошло так поздно и почему был выбран именно этот писатель.

С 1924 г. Петроград носил имя вождя. В том же году Московская публичная библиотека получила то же имя. С апреля 1925 г. Царицын удостоился псевдонима его преемника. Затем, в 1926 г., с большим размахом было отмечено 100-летие со дня рождения историка города Глупова, но тогда его имени ГПБ не удостоилась. 1929-й, год Великого Перелома, совпал с 50-летием И. В. Сталина и началом чистки в Библиотеке. 1930-й, памятный не только началом Академического дела, но и окончанием чистки, отмеченным следующим распоряжением директора ГПБ Н.Я. Марра: «... не могу не выразить удовлетворения, что вскрыта вся эта, не делающая честь нашей общей ответственной работе, более того, способная ее дискредитировать, а в некоторых случаях тяготеющая к преступности, коллективная язва, наследие позорного прошлого»¹, был еще и 25-летием выступления М. Горького на антиправительственном митинге в читальном зале ИПБ². Наконец, в том же году погиб В. В. Маяковский, по словам Л. Ю. Брик или О. М. Брика – «величайший поэт нашей советской эпохи» (это изречение более известно как высказывание И. В. Сталина, которому адресовали большое письмо «Лиля» и «Ося»).

Однако, поводом для присвоения имени почему-то стало 15-летие Октябрьской революции.

В данном случае следует упомянуть устное сообщение Л. А. Шилова (директора ГПБ в 1970–1985 гг.), который, выступая по приглашению Ленинградского отделения Союза писателей на юбилейном вечере в доме литераторов им. В. В. Маяковского в конце января 1976 г. (М. Е. Салтыков родился 15 (27) января 1826 г.), рассказал следующую «байку», издавна бытующую в Библиотеке. Коллектив ГПБ якобы обратился с письмом к Сталину с просьбой «сбалансировать» его именем имя Ленинской библиотеки. Попыхивая трубкой, генсек ответил: «Зачем Сталина? Мало ли в России хороших писателей? Салтыков-Щедрин, например». «Сталин цитировал Щедрина, который, кстати, не сказал о Библиотеке ни одного доброго слова, куда чаще, чем Ленин», – добавил Шиллов.

Любопытное соображение автору этих строк высказал известный книговед А. В. Блюм, слышавший эту историю от кого-то из старых сотрудников ГПБ то ли в 1950-х, то ли в 1960-х гг.: «А кто, собственно говоря, присутствовал при этом и с кем разговаривал Сталин?».

В ОАД РНБ сохранился примечательный документ:

Копия

Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде

Удовлетворить ходатайства ленинградских областных организаций и присвоить Государственной Публичной библиотеке в гор[оде] Ленинграде имя писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

Москва, Кремль
27 апреля 1932 г.
Председатель ЦИК СССР М. Калинин
Секретарь А. Енукидзе³.

По мнению Я. И. Хотякова и В. Д. Чурсина, постановление Президиума ЦИК СССР⁴ свидетельствовало о большом общественном уважении к деятельности Библиотеки⁵.

Это утверждение представляется достаточно спорным. Удостоится Библиотека имени С. М. Кирова («Нашего Мироныча»), Л. Н. Толстого («Зеркала русской революции»), А. С. Пушкина («Солнца русской поэзии») – это было бы логично, понятно и объяснимо. Но неоднозначного «диссидента» Щедрина? М. С. Лесман, создатель уникального библиофильского собрания⁶, однажды рассказал такую историю: когда в 1935 г. вышло роскошное издание «Истории одного города»⁷, люди шептались: «Он [И. В. Сталин] что, не понимает, что *это о нем?*» Подразумевалась аналогия с последним Градоначальником, въехавшим в Глупов на белом коне, сжегшем гимназии и упразднившим науки.

По неоднократно высказанному мнению краеведа и библиофила Е. Д. Петряева, М. Е. Салтыков, добавив себе псевдоним, тем самым увековечил свою встречу с купцом-раскольником⁸. На наш взгляд, псевдоним имел явно программный характер. Вот его толкование: «Щедра, Щедрина, Щедринка... – оспинка, рябинка, знак, рубчик, луночка от оспы, нарывчика или подобной причины»⁹. Не исключено, что воспевая решение комиссии по чистке, Н. Я. Марр подразумевал именно это – целью надворного советника Н. И. Щедрина («Губернские очерки») было вскрытие нарывов, избороздивших лицо царской России. Но знал ли об этом И. В. Сталин – «рябой черт», как его иногда называли в народе?

Материалы ОАД РНБ дают основание утверждать, что инициатива о присвоении того или другого имени не исходила из Ленинграда. Протоколы общих собраний сотрудников свидетельствуют о том, что Публичная библиотека не инициировала обращение лично к Сталину или «всесоюзному старосте» М. И. Калинин¹⁰. М. М. Добраницкий (директор ГПБ в 1930–1936 гг.) в январе – апреле 1932 г. был болен и распоряжения (кроме 5 дней в январе и феврале 1932 г.) подписывал в основном его заместитель П. П. Звейнек¹¹. Следовательно, Добраницкий не был в командировке в Москве с письмом на имя Сталина и не присутствовал на заседании ВЦИК, где решался вопрос о присвоении ГПБ определенного имени. А ведь только он, и никто другой мог так колоритно описать вождя и стенографически точно воспроизвести его историческое высказывание.

Еще более удивительно другое: коллектив Публичной библиотеки *никак* не прореагировал на «судьбоносное постановление»!¹² Даже если бы протокол

общего собрания не сохранился, такой факт *безусловно отразился бы в газетной хронике* – минимум ленинградской, максимум – в «Литературной газете».

По устному сообщению Л. А. Шилова, ответ на все вопросы и недоумения – в протоколах заседаний ВЦИК, «но до них нелегко добраться».

Тем не менее, можно высказать предположение, что инициатива исходила от публициста, историка и литературного критика М. С. Ольминского (наст. фам. Александров, 1863–1933), в отличие от РАППовцев типа В. В. Ермилова, считавшего М. Е. Салтыкова не «продуктом царизма», а борцом с самодержавием и стоявшего у истоков Полного собрания сочинений этого писателя, начатого в январе 1932 г. и сориентированного завершением на 1939 г. – 60-летие И. В. Сталина и 50-летие со дня смерти гениального сатирика.

Не исключено, впрочем, что инициатива исходила от Ленинградского объединения пролетарско-колхозных писателей и его оппонента, Ленинградской ассоциации пролетарских писателей, т. е. *областных организаций*¹³. Однако что-либо определенное здесь сказать сложно: 23 апреля 1932 г., за четыре дня до присвоения ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, постановлением ЦК ВКП (б) их «история прекратила течение свое».

Примечания

¹ Цит. по: История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. СПб., 2006. С. 274.

² Рейно А. И. Митинг в читальном зале: (Воспоминания старого библиотекаря) // Вечер. крас. газ. 1935. 21 янв. ; Рест Б. Книги и люди. Л., 1939. С. 58–60.

³ ОАД РНБ. Ф. 2. 1932. Оп. 16. Д. 1. Л. 89.

⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1932. Отд. 1. № 181. С. 268. Газетные публикации постановления см.: Известия ВЦИК. 1932. 28 апр. (Фотокопия помещена в: Литературное наследство. М., 1934. Т. 13/14. С. 717; на с. 714 – редкая фотография витрины книжной выставки изданий сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина 1917–1932 гг. в ГПБ его имени); Ленингр. правда. 1932. 29 апр.

⁵ Государственная ордена Трудового Красного Знамени Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 236; История Библиотеки в биографиях ее директоров. СПб., 2006. С. 289.

⁶ Каталог коллекции М. С. Лесмана см.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана : аннот. кат. М., 1989. 463 с. : ил., портр.

⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города / подгот. текста С. А. Макашина; ил. А. Н. Самохвалова. М.; Л., 1935. XXXIV, 220 с.; 13 л. ил.; в футляре.

⁸ Напр. см.: Петряев Е. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. Киров, 1975. 111 с.

⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2000. Т. 4. Стб. 1495.

¹⁰ Эвентов И. М. И. Калинин и русская литература // Звезда. 1947. № 3. С. 153 (О М. Е. Салтыкове-Щедрине).

¹¹ О нем см.: Разумов А. Я. Звейнек Петр Петрович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. СПб., 1999. Т. 2. С. 298–300. Распоряжения по ГПБ см.: ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 16. Д. 28. Более того, 29 апреля 1932 г., в день публикации постановления в «Ленинградской правде» (!), М. М. Добраницкий оповестил сотрудников об отъезде на лечение в Мацесту (с 4 мая по 4 июня) и возложении на П. П. Звейнека обязанностей директора.

¹² См. протоколы общих собраний (ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 16. Д. 26, янв. – дек. 1932 г.).

¹³ См. письмо бывшего члена Ленинградского объединения пролетарско-колхозных писателей, историка русской литературы и литературного критика Ф. Х. Бутенко (1905–1938 (?)) ученому секретарю Института русской литературы В. В. Бушу с приглашением участвовать в вечере памяти М. С. Ольминского (после 8 мая 1933 г. (ОР РНБ. Ф. 147. Д. 98)).

Эльзон М. Д. «Удовлетворить ходатайства...»: от факта к мифу // История библиотек : исслед., материалы, док. СПб., 2008. С. 129–132.